Но как же тогда, в свете этого заключения, надо понять последние слова изучаемого отрывка:

«Тогда по славнейших победах,
Как общий ускоришь покой,
Пребудешь знатнейший в соседах,
Прехвален миром и войной»?

Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего присмотримся к тому, как М. В. Ломоносов в эпоху участия России в Семилетней войне вообще относился к проблемам «войны и мира».

Поэт умел «петь» войну, но он предпочитал «петь» не ее, а мир. Об его настоящем отношении к войне, думается, лучше всего свидетельствует его стихотворение «Доколе щастье ты венцами злодеев будешь украшать», — пусть переводное (Руссо — «На счастье»), но безусловно отвечающее подлинному настроению поэта: ведь иначе он мог бы его и не переводить, хотя бы и на конкурсе с Сумароковым.[1]

Зато подлинною жаждою мира проникнуты все его стихотворения. Я имею здесь в виду не столько его мирные высказывания в одах 1757—1761 гг., во время участия России в Семилетней войне, сколько общий тон всей его поэтической деятельности.

Что же касается первых, то они, при всей несомненной личной общей настроенности поэта к миру и мирной деятельности, носят ярко выраженный политический характер. Так, в оде 1757 г. на рождение Анны Петровны поэт восклицает (строфа 5):

«Умолкни ныне брань кровава»,

[1] Сочинения, II, стр. 168 и сл., примеч. 246—59. Впрочем, в одном из своих стихотворений военного времени (ода 1761 г.) он дал, так сказать, и «оправдание» войны (строфы 12 и 13):

«Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Дабы военная труба
Унылых к бодрости будила,
Чтоб в недрах мягкой тишины
Не зацвели водам равны,
Что вкруг защищены горами,
Дубравой, неподвижны спят,
И под ленивыми листами
Презренной производят гад.

Война плоды свои растит,
Героев в мир раждает славных,
Обширных областей есть щит
Могущество крепит Державных».